

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман

К ИСТОРИИ АНТИСОВЕТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 1930-х годов: УГОЛОВНОЕ ДЕЛО МИХАИЛА ВОЛЬПИНА

Статья посвящена анализу антисоветских настроений в среде московских журналистов 1930-х годов. На примере документов из уголовного дела М.Д. Вольпина характеризуются частные разговоры журналистов, их мнения по поводу происходивших в стране событий. Кроме того, выявляются новые факты биографий некоторых участников литературного процесса 1930-х годов.

Ключевые слова: М.Д. Вольпин, Л.В. Саянский, журнал «Крокодил», И.М. Штерн, П.Т. Горгулов, коммунизм, фашизм, внутренняя политика СССР.

Имя поэта Михаила Давыдовича Вольпина было хорошо знакомо московским журналистам и литераторам 1930-х годов.

Начало его биографии вполне советское. Вольпин родился в 1902 г. в Могилеве на Днепре, окончил четыре курса ВХУТЕМАСа, работал плакатистом в РОСТА, побывал в комсомоле, отслужил в Красной армии, сочинял пьесы, сотрудничал в «Смехаче», «Чудачке» и других сатирических журналах и был страстным поклонником Маяковского.

В начале 1930-х годов Вольпин был штатным сотрудником журнала «Крокодил». Как свидетельствуют публикуемые ниже документы, к этому периоду у поэта-крокодила накопилось много претензий к советской власти – как идеологического, так и личного свойства. В частности, в январе 1933 г. был арестован, а в марте расстрелян его двоюродный брат Яков Фабрикант, заместитель директора Всесоюзного института механизации сельского хозяйства. Брата обвинили в «контрреволюционной вредительской работе в области сельского хозяйства», якобы спровоцировавшей голод на Украине¹.

Комментируя впоследствии, уже в годы перестройки, свой арест, Вольпин связывал его со знаменитым делом Николая Эрдмана, автора пьес «Мандат» и «Самоубийца», и драматурга и поэта Владимира Массы. Им вменялось в вину сочинение «антисоветских басен». Вольпин утверждал, что попал в тюрьму по этому же делу: «Меня тоже посадили. Как сказал следователь, за “антисоветские настроения”»².

В этом утверждении была доля истины: в 1930-е годы Вольпин дружил с Эрдманом и Массом и действительно сочинял и активно распространял антисоветские стихотворения. 9 июля 1933 г. заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода писал Сталину: «Направляю Вам некоторые из неопубликованных сатирических басен, на наш взгляд, контрреволюционного содержания, являющихся коллективным творчеством московских драматургов Эрдмана, Массы и Вольпина. Басни эти довольно широко известны среди литературных и околосатирических кругов, где упомянутые авторы лично читают их... Вольпин М.Д. – 1902 года рождения, поэт-сатирик, соавтор Эрдмана, сотрудник “Крокодила”... Полагаю, что указанных литераторов следовало бы или арестовать, или выслать за пределы Москвы в разные пункты». К письму Ягоды прилагались копии разного рода антисоветских произведений³.

Узнав об аресте Эрдмана и Массы, последовавшем 11 октября 1933 г., Вольпин удивился, что остался на свободе. Осведомитель ОГПУ сообщал, что поэт говорил знакомым: «Удивляюсь, что хожу на свободе, я ведь тоже пишу басни и читаю их. Вероятно, я бездарен, очень обидно. Напишу заявление в ОГПУ, чтобы арестовали меня – вот только беда, не арестуют, скажут: подождите, о Вас еще дела нет»⁴.

Вольпина арестовали 27 октября того же года. Но на допросе в ОГПУ он категорически отверг соавторство с Эрдманом и Массом. Признаваясь в гораздо более опасных преступлениях, Вольпин тем не менее настаивал: «Лично я никогда не помогал Эрдману и Массе в сочинении басен». Его показания подтверждал Эрдман, утверждавший в частном письме: «Миша был у нас редким и скромным гостем, но в нашем хозяйстве он не участвовал»⁵.

В подборке стихотворных текстов, которые Ягода предоставил Сталину, не было ни одного, написанного тремя сатириками совместно. Историкам литературы вообще неизвестны нелегальные стихотворения, которые бы являлись плодом тройного соавторства поэтов⁶. Соответственно обвинение в таком соавторстве вопреки мнению Ягоды Вольпину предъявлено не было.

Скорее всего, причину ареста Вольпина следует искать в другом: осенью 1933 г. началось масштабное реформирование журнала «Крокодил». Относительно самостоятельный в выборе журналистской стратегии журнал передавали в ведение газеты «Правда». За кулисами этой реформы шла отчаянная борьба, которую вели, с одной стороны, редактор «Крокодила» Михаил Мануильский, а с другой – редактор «Правды» Лев Мехлис, поддерживаемый тем же Ягодой. Арест Вольпина, штатного сотрудника «Крокодила», сочинявшего антисоветские стихи и частушки, был одним из элементов этой борьбы. В ходе борьбы за журнал был арестован еще один сотрудник «Крокодила» – поэт Эмиль Кроткий⁷.

Формально Вольпина арестовали за высказанные вслух «террористические намерения», желание «убить Сталина». Ситуация, в которую он попал, оказалась намного тяжелее той, в которой оказались Эрдман, Масс и Эмиль Кроткий. Они были приговорены к трехлетней ссылке, «террористу» же Вольпину грозил расстрел.

* * *

Весьма неприглядную роль в деле Вольпина сыграл тоже сотрудничавший в «Крокодиле» писатель и журналист Леонид Саянский, он же – бывший штабс-капитан Главного штаба Леонид Викторович Попов. Попов-Саянский родился в 1889 г. в Иркутске, происходил «из потомственных дворян Иркутской губернии» и окончил Иркутское пехотное юнкерское училище. Он участвовал в Первой мировой войне, был контужен в голову и отравлен газом, получил три ордена⁸. К моменту краха старой России Саянский был известным в обеих столицах литератором, автором «дневника казачьего офицера» «Три месяца в бою» (Москва, 1915) и приключенческого романа «Человек без имени» (Москва; вышел, по-видимому, в начале 1918 г.).

Революция сломала жизнь штабс-капитана; о том, как он относился к большевикам, хорошо видно из романа. Главный герой, скрывающий свое имя «странный человек», путешественник и золотодобытчик, оказывается графом-монархистом, призванным спасти Россию. Его мнение о большевиках – немецких шпионах и погромщиках – однозначно: «Эти самые большевики идут убивать вслепую... Потерявшие голову или движимые только низменными расчетами, покорные окрику и жестокие до зверства, где нет сопротивления духа, – они творят свое ужасное дело, не понимая той невыносимой роли, которую их заставили играть».

Завершалось действие романа в отбитом у большевиков Ростове: «И вот уже звенят над городом, залитым кровью, колокола...

И батька – Алексей Максимыч атаман Каледин – входит в город с победой... Первая победа над губителями родины была одержана. Первый шаг к порядку и спасению России – сделан удачно»⁹.

Вина Саянского перед новой властью не исчерпывалась романом. Согласно его послужному списку, с 15 мая по 20 августа 1912 г. он, тогда 20-летний хорунжий Иркутской казачьей сотни, находился в командировке «для усмирения рабочих золотых приисков на реке Лене». Непосредственно в Ленском расстреле Саянский не участвовал. Однако и службы в частях, обеспечивавших порядок на приисках, было вполне достаточно. Об этом факте его биографии не могло не знать ОГПУ: в 1914 г. Саянский опубликовал в журнале «Вестник русской кавалерии» соответствующий очерк¹⁰.

Эмигрировать штабс-капитан не мог: в 1917–1918 гг. он тяжело болел. Выбора у него не осталось: он был вынужден пойти на службу к новой власти. При большевиках бывший писатель стал журналистом: сотрудничал в «Гудке» (где познакомился и подружился с Михаилом Булгаковым), «Смехаче», «Чудаке», множестве газет. В 1930-е годы он – постоянный автор «Крокодила». Саянский не брезговал никакой работой: публиковал фельетоны и юмористические рассказы в «дешевых», общедоступных сериях – приложениях к журналам, был автором «книг для пионеров» и путеводителей по Сибири.

Почти все его советские тексты, в том числе и опубликованные в «Крокодиле» фельетоны, выглядят откровенной халтурой. На вопросы друзей и знакомых об отношении к нему со стороны властей Саянский отвечал: «А мне плевать, платят деньги – и ладно»¹¹.

Прошное Саянского делало его весьма уязвимым для всякого рода политических провокаций. Очевидно, понимая грозившую мужу опасность, показания против Вольпина дала и жена журналиста, Евгения Саянская.

* * *

16 января 1934 г. Коллегия ОГПУ вынесла Вольпину приговор. На заседании Коллегии пункт о «террористических намерениях» был из обвинительного заключения вычеркнут; поэта осудили только за «антисоветскую агитацию».

Возможно, Вольпина просто пожалели – настоящим, убежденным террористом он явно не был. Но, скорее всего, в дело вмешалась политическая целесообразность: Вольпина оставляли в живых, превращая из «террориста» в обычного болтуна-литератора; разбирательство о пособниках «террориста» в советском журнале не

начинали. Членам редколлегии «Крокодила» давали возможность уйти без уголовного и партийного преследования.

21 марта 1934 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) приняло решение «считать содержание “Крокодила” и в особенности положение с личным составом литературных сотрудников “Крокодила” крайне неудовлетворительным. “Крокодил” передать “Правде”, обязав редакцию “Правды” повседневно улучшать содержание журнала». 29 марта это решение было утверждено Политбюро¹².

Редактором обновленного сатирического журнала был назначен Михаил Кольцов, член редколлегии «Правды».

* * *

Отбывать наказание Вольпина отправили в Ухтинско-Печерский исправительно-трудовой лагерь.

Трудно сказать, что происходило с Вольпиным в Ухтпечлаге. Он работал в лагерном клубе; те, кто видел его в лагере, отмечали его апатию и «равнодушие» к происходившим в Москве событиям. Отсидев три с половиной года, «по зачету рабочих дней» он вышел на свободу. «За нормальную работу меня выпустили в 37-м, когда только и начали всех по-настоящему “сажать”», – вспоминал он¹³.

В итоге лагерь «перековал» Вольпина. Вчерашний «хулиган», не желавший «идти на поклон» к «царю» и клявшийся, что никогда «не продаст» свое перо большевикам, освободившись, стал одним из весьма заметных пропагандистов советской власти.

Вольпин начал служить в «ансамбле песни и пляски» при клубе НКВД, писал – совместно с Эрдманом – сценарии знаменитых советских кинокартин. В 1947 г. он просил о снятии судимости, но получил отказ. Впрочем, это не помешало ему в 1951 г. стать лауреатом Сталинской премии.

Реабилитирован Михаил Давыдович Вольпин был 3 мая 1989 г.

* * *

Уголовное дело Вольпина хранится в Центральном архиве ФСБ Российской Федерации (Р-37840). Из этого дела публикуются следующие документы:

1. Все данные в ходе следствия показания по существу дела.
2. Обвинительное заключение.
3. Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ СССР.

Орфография и пунктуация приведены к современным нормам, сокращения (кроме общеупотребительных) раскрываются в квадратных скобках и сносках. К показаниям предложен минимальный комментарий. Общеизвестные имена и реалии, а также имена и реалии, достаточно поясняемые в самих документах, не комментируются.

І. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА М.Д. ВОЛЬПИНА,
ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1933 г.¹⁴

ОГПУ
Отдел Особый

К делу № _____ уч.-регр.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1933 г. октября мес[яца] 28 дня. Я, уполномоченный III отд[еления] ОО ОГПУ¹⁵ Белостокский, допрашивал в качестве обвиняемого гражданина Вольпина Михаила Давыдовича, и на первоначально предложенные ему вопросы он показал:

1. Фамилия: Вольпин.
2. Имя и отчество Михаил Давыдович.
3. Возраст и год рождения: 1902 г.р.
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство): из мещан г. Могилева, отец – юрист, еврей, гр. СССР.
5. Местожительство (постоянное, последнее): г. Москва, Арбат, д. № 35, кв. 25.
6. Род занятий (последнее место службы и должность): в «Крокодиле» поэт-журналист.
7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время): Женат. Жена Люция Карловна Краузе¹⁶ – работает в бутафорской мастерской I МХАТ – проживает на ст. Перловке, Яузская аллея, д. А7. Отец Давид Самойлович Вольпин – живет в Москве, Арбат 34, кв. 5. Мать Анна Борисовна живет там же. Брат Марк Давыдович Вольпин, 36 лет – живет в Ленинграде, работает на заводе¹⁷.

Сестры: Любовь Давыдовна Вольпина, замужем за Татьевым Александром Борисовичем – живут в Москве, Хлебный пер., д. № 9, и Надежда Давыдовна Вольпина¹⁸ – переводчица.

8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников): ничего не имеет.

9. Образовательный ценз (первоначальное образование, средняя школа, высшая, специальная, где, когда и т. д.): незаконченное высшее (ВХУТЕМАС¹⁹).

10. Партийность и политические убеждения: беспартийный. Был членом комсомола с [19]21 по [19]25 или [19]26 год. Выбыл механически.

11. Где жил, служил и чем занимался:

а) до войны 1914 г.:

б) с 1914 г. до Февральской революции 1917 года:

в) где был, что делал в Февральскую революцию [19]17 г., принимал ли активное участие и в чем оно выразилось:

г) с Февральской революции [19]17 года до Октябрьской революции [19]17 г.:

д) где был, что делал в Октябрьскую революцию [19]17 г.:

е) с Октябрьской революции [19]17 г. по настоящий день:²⁰

12. Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее): был судим за хулиганство в 25 году, но оправдан по суду²¹.

13. Отношения допрашиваемого свидетеля к обвиняемому:

14. Отношение к военной службе:²²

Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано.

Показания по существу дела: В Москве проживаю почти все годы. Отец мой по профессии юрист; в старое время был пом[ощником] присяжного поверенного в Москве, сейчас в коллегии защитников и служит юрисконсультom.

Помимо перечисленных в анкете родственников, в Москве проживают две тетки по линии матери: Зильберман Ольга Борисовна и Калецкая Вера Борисовна. В Ленинграде проживают мои двоюродные братья: Жислин Александр Львович – областной судья. Два брата Калецких: Григорий Исаакович – в Горьком работал инженером, а другой, Павел Исаакович, жил в Москве, имел отношение к литературе, не получил паспорта и уехал из Москвы²³.

Братья Фабриканты: Михаил Осипович, живет в Москве – кустарь, Александр Осипович – агроном-профессор, где живет, не знаю²⁴, третий брат Яков Осипович расстрелян по делу «35»²⁵. За

границей жил еще один брат, Владимир Фабрикант – бывший с[оциалист]-р[еволюционер], сподвижник Керенского, который умер в этом году²⁶.

В Москве имею следующих близких знакомых:

1. Ардов Виктор Ефимович – литератор²⁷;
2. Воскресенский Сергей Александрович – работает в ОГПУ²⁸;
3. Ардова Ирина Константиновна – б[ывшая] жена Ардова, работает в журнале;
4. Ильф Илья Арнольдович;
5. Петров Евгений Петрович;
6. Масс Владимир Захарович и его жена Наталья Львовна²⁹;
7. Бухов Аркадий Сергеевич³⁰;
8. Векова Анна Тимофеевна³¹;
9. Черемных Михаил Михайлович³² – художник;
10. Шапошникова Наталья Александровна – стенографистка;
11. Елисеев Константин Степанович³³ – художник;
12. Роскин Александр Осипович³⁴ – писатель.

Вообще у меня по Москве очень много знакомых, но перечисленные выше лица являются моими наиболее близкими знакомыми.

С Вековой Анной Тимофеевной я познакомился на квартире у Аркадия Бухова. Знаю, что она была в эмиграции, откуда вернулась, кажется, в 1927 г. Я с ней познакомился значительно позже, приблизительно в конце 1931 года. С Вековой встречался очень часто, одно время почти ежедневно. У меня с ней были интимные отношения. На политические темы я с Вековой никогда не беседовал. Последний раз видел ее несколько дней тому назад на квартире у Буховых.

С Шапошниковой Натальей Александровной знаком очень давно, но встречаюсь с ней эпизодически. Месяца три тому назад был у нее на вечеринке, где присутствовало много военных, фамилий коих не знаю. Помню только фамилию одного военного, которого видел несколько раз, с тремя ромбами. Фамилия его Шиловский³⁵. Векова Анна тоже была тогда на вечеринке. Я тогда очень много выпил, и что было на вечеринке, сейчас не помню. Помню только, что военные держали себя обособленно. После этой вечеринки я еще раз был у Шапошниковой³⁶, но кроме Шиловского других военных там не встречал.

Записано с моих слов верно, прочитано

Мих. Вольпин

II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ
М.Д. ВОЛЬПИНА,
ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1933 г.³⁷

Дополнительные показания
гр. Вольпина Михаила Давыдовича

28 октября 1933 года

По своим политическим убеждениям я являюсь сторонником советской власти. В то же время я часто допускал резкие выпады против отдельных явлений советской действительности. Выпады эти заключались в том, что я ругал партийное руководство искусством, неумение наладить торговлю, постановку газетного дела – внедрение скуки в газету.

Меня интересовал вопрос о еврейской жизни. Констатируя факт, что в Коммунистической партии много евреев в процентном отношении к населению, я объяснял это тем, что евреи являются наиболее живой нацией, которая дала много коммунистов и в то же время террористов как против царского, так и против советского режима. Мне казался очень странным поступок террориста Штерна³⁸, которого я считал идейным и непродажным человеком. Мне казалось странным, что он, человек, идущий на смерть, выбрал своей целью советника Германского посольства Твардовского и считал, что с его точки зрения должно быть целесообразнее бить непосредственно по советским деятелям.

Последнее время я находился в очень мрачном настроении вследствие личных семейных обстоятельств. Очень много пил, чего со мной раньше не бывало. Были случаи, когда после общей выпивки в кампании уходил в подвал, где продолжал пить один либо в компании совершенно незнакомых мне людей.

Записано с моих слов верно, прочитано

Вольпин

Допросил

Белостоцкий

III. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

М.Д. ВОЛЬПИНА,
ОТ 29 ОКТЯБРЯ 1933 г.³⁹

Дополнительные показания
гр. Вольпина Михаила Давыдовича

29 октября 1933 года

Признаю, что в беседах на политические темы мною бывали высказаны критические замечания, иногда носящие контрреволюционный характер, что объясняется излишней запальчивостью в спорах и желанием фрондировать.

Были случаи, когда в таких беседах на политические темы я допускал ругательства по адресу вождей партии и правительства. Но не в резкой степени. Вместе с тем заявляю, что в зачитанных мне показаниях есть сознательное искажение в некоторой части сказанных мною фраз и выражений, а в некоторой части сознательная выдумка.

Деталей моих разговоров на тему о террористических актах я не помню. Считаю возможным, что в беседах о террористах Штерна и Горгулове⁴⁰ я мог высказать мнение, что субъективно⁴¹ эти поступки – поступки людей геройского склада, но никоим образом не мог одобрить или восхищаться этими поступками. Возможно, что я высказывал мнение, что если бы я был бы на месте Штерна, т. е. контрреволюционером и террористом, то выбрал бы в качестве объекта покушения кого-нибудь из советских вождей, а не германского посланника.

Записано с моих слов верно, прочитано

Вольпин

Допросил

Белостоцкий

IV. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
СВИДЕТЕЛЯ Л.В. САЯНСКОГО,
ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1933 г.⁴²

ОГПУ

К делу № _____

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1933 г. октябрь мес[яца] 28 дня. Я, _____, допросил в качестве свидетеля гражданина Саянского Леонида Викторовича, и на первоначально предложенные вопросы он показал:

1. Фамилия: Саянский-Попов.
2. Имя и отчество: Леонид Викторович.
3. Возраст и год рождения: 1889 г[од] р[ождения].
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство): г. Иркутск, отец – офицер, русский, подд[анный] СССР⁴³.
5. Место жительства (постоянное и последнее): Москва, Б[ольшой] Кисловский [переулок], 4, кв[артира] 23.
6. Род занятий (последнее место службы и должность): литератор.
7. Семейное положение (перечислить близких родственников, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время): отец, 2 брата, 3 сестры, зять, мать – Поповы. Живут в Москве.
8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников): никакого имущества.
9. Образовательный ценз (первоначальное образование, средняя школа, высшая, специальная, где, когда и т. д.): не кончил гимназию, кончил училище военное в Иркутске в 1909 г.
10. Партийность: б[ес]п[артийный].
11. Сведения об общественной и революционной работе: работал с 1918 г. на массов[ой] работе.
12. Сведения о судимости, нахождении под следствием (до Октябрьск[ой] революции и после [н]ее): не был.
13. Категория воинского учета – запаса: начсостав высший, старший, средний, рядовой, переменник, одногодичник, тылоополченец: был сред[ний] комсостав, уволен по инвалидности в 1921 г.
14. Служба у белых: не был.
15. Показания по существу дела:
Вольпина Михаила Давыдовича знаю с 1929 г. Ему лет 30, сын богатой (буржуазн[ой]) еврейской семьи. Живут в Ленинграде. Дед был

лишен паспорта и получил лишь недавно. Привлекался как валютчик, имел неотмененную судимость и какое-то дело в Минске. Двоюродные братья Вольпина – братья Фабриканты (фамилия). Один был видный эс-эр, другой (кажется, Николай) не так давно расстрелян по какому-то вредительскому делу (рассказывал сам Вольпин).

Женат Вольпин недавно на дочери вредителя Кирпичникова⁴⁴. Однако временно он живет с Вековой и пользуется ее средствами (брал деньги). Вольпин был в комсомоле, но вышиблен в 1924 г., затем учился во ВХУТЕМАСЕ, но бросил. По профессии журналист, поэт и очень талантливый, но лодырь и хулиган как в жизни, так и в искусстве.

Зарабатывает довольно много: кутит, бывает на бегах, часто играет в карты у Ардова и Бухова. О прошлом говорит мало, но все разное, или сочиняет, или же – это прошлое очень пестрое. Живал в Крыму. В 1922 г. работал по линии АРА⁴⁵, объезжал Астраханск[ий] район с каким-то американцем. За границей у него, кажется, двоюродн[ый] брат Владимир Фабрикант (фамилия!), эс-эр. Вольпин человек неуравновешенный, неврастеник, способен на дикое хулиганство, на скандал.

По убеждениям: контрреволюционные. Убежденный противник советского строя; коммунизм считает утопией, нашу политику называет «грабительской», сочиняет и распространяет антисоветск[ие] анекдоты. Все мероприятия власти встречает издевкой. Одобряет террористов Штерна и Горгулова и в принципе террор.

28/VIII с[его] г[ода] на мою квартиру во время моей командировки пришли Вольпин и А.Т. Векова. Сидели у жены, пили чай. Вольпин жаловался на скуку жизни, что его затирают как поэта. Саянская спросила, почему бы не печататься ему в «Правде». На это Вольпин сказал, что если б его звали даже в «Правду», он бы не пошел, т. к. его убеждения не позволяют ему работать в партийном органе и что он свое перо большевикам никогда не продаст. Жаловался далее на скуку. Ему Векова и Саянская сказали: «ну изобретите что-нибудь, поезжайте куда-нибудь». На это Вольпин полусерьезно сказал:

– Куда там ехать... Нет, вот Сталина я бы убил⁴⁶.

Обе они испугались, просили не говорить громко и не болтать зря. Саянская сказала: «Разве в Сталине дело? И что вы докажете смертью одного человека?» И напомнила о Штерне, что он своим покушением ничего не сделал, как и Горгулов, и что вообще убийства недопустимы. На это Вольпин уже совершенно серьезно заявил, что «Штерн – это дурак, ударил не туда, куда следовало, т. к. мы (СССР) немцам нужны. А Горгулов сделал мировое дело,

спас эмиграцию, и перед ним он, Вольпин, снимает шляпу, ибо Горгулов войдет в историю как герой».

Об этом разговоре Саянская передала с испугом мне и просила избегать общества Вольпина, т. к., по ее мнению, Вольпин является опасным.

Для характеристики его к[онтр]р[еволюционных] убеждений, выявляемых в частных разговорах, привожу его выражения в беседе 10/X вечер[ом] на квартире у меня в присутствии А.С. Бухова.

Говорили на разные темы, причем во всех случаях Вольпин допускал выпады против власти и партии, например, тов. Кагановича называл: «это пошлый жид, дурак, из типа провинциальных учителей из Хедера⁴⁷» (по поводу того, что тов. Каганович давал нынче директивы для ред[акции] «Крокодила»⁴⁸). О народном образовании Вольпин заявлял, что «Бубнов⁴⁹ – это говнюк, унтер-офицер, но такой и нужен в рабской стране для коммунистическ[ого] общества». Выдвиженцев он называет «дефективные дураки». В разговоре о ценах на рынке Вольпин сказал, смеясь: «А вы знаете, почему мясо дешево? Помните, как наши дураки кричали в газетах, что хлебом мы обеспечены, а мяса не будет еще пять лет? А вышло наоборот – хлеба не было до лета, а мяса – сколько угодно».

На вопрос, почему это так, Вольпин ответил: «Потому что большевики махнули рукой на мясо и не трогали мужиков. Вот мясо и оказалось. А хлеб стали грабить, его и не было». И еще: «Как только они (большевики) за что схватятся со своими грязными руками, так сейчас все пропадет».

Он (Вольпин) убежден, что «все это временно, все ненадолго, все развалится и советский строй недолговечен». Но определенно-го кредо сам не имеет, плетет анархические фразы, перемешанные с мечтами о старой жизни, о «золотом рубле» и т. д.

В разговоре о возможности войны и заодно об нашей армии на слова Саянской, что в армии сейчас хорошо кормят и одевают, Вольпин заявил, что «все это напоказ под Москвой, а вообще армия ходит в опорках и питается скверно, я сам недавно отбывал и знаю»⁵⁰.

Это все его фразы за один вечер, в простой беседе, шедшей в очень мирных тонах, причем Вольпин будто нарочно возражал всему, что говорилось, с большим озлоблением. После разговора Бухова о писателе Слэзкине, обратившемся с письмом о помощи к тов. Сталину⁵¹, Вольпин сказал: «Слэзкин сволочь, третьесортный писатель, я бы задавился, а не обращался бы к Царю» (иронически называя т. Сталина «царем»).

Говоря о слабой уборке хлеба и овощей, Вольпин сказал: «Мне думается, что все вообще опустили руки и ни черта никто не хочет

делать. А все виновато лицемерие и очковтирательство, которое посеяли коммунисты». На слова Саянского, что если это так, то от политики очковтирательства страдают сами большевики, Вольпин сказал, что «а им не все равно, что все валится? Они это знают, но все равно выхода нет, все у них пропало, и они надеются, что кривая вывезет, что все-таки из миллиона дел хоть что-ниб[удь] да выйdet».

Вообще Вольпина за последнее время (за мес[яц]) отличает странная обозленность и нервность, с котор[ыми] он говорит о современности. Говоря о роли политотделов, он сказал: «Ничего из этого не выйdet; увидели дураки, что удачно вышло с колхозами, ну теперь и будут всюду политотделы заводить: и на жел[езных] дорогах, и в банях, и в домкомах. А т. к. честных партийцев всего 10 тысяч, то людей у большевиков не хватит, и через год политотделы превратятся в пустое место».

Больше по этому делу ничего показать не имею и свои показания собственноручно подписал.

Л. Саянский-Попов.

V. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ САЯНСКОЙ Е.А.,
ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1933 г.⁵²

ОГПУ

К делу № _____

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1933 г. октябрь мес[яца] 28 дня. Я, уполномоченный III отд[еления] ОО ОГПУ Белостоцкий, допросил в качестве свидетеля гражданку Саянскую Евгению Александровну, и на первоначально предложенные вопросы она показала:

1. Фамилия: Саянская.
2. Имя и отчество: Евгения Александровна.
3. Возраст и год рождения. 1891 г[од] р[ождения].
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство): из мещан б[ывшей] Гродненской губ[ернии], ст[анция] Кузнецк, еврейка, гр[ажданка] СССР.
5. Место жительства (постоянное и последнее) г. Москва, Б. Кисловский пер[еулок], д. 4, кв. 23.

6. Род занятий (последнее место службы и должность): дом[ашняя] х[озяйка].

7. Семейное положение (перечислить близких родственников, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время): замужем.

8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников): ничего не имеет.

9. Образовательный ценз (первоначальное образование, средняя школа, высшая, специальная, где, когда и т. д.): среднее.

10. Партийность: бесп[артийная].

11. Сведения об общественной и революционной работе:⁵³

12. Сведения о судимости, нахождении под следствием (до Октябрьск[ой] революции и после [н]ее): не судилась.

13. Категория воинского учета – запаса: начсостав высший, старший, средний, рядовой, переменник, одногодичник, тылоополченец:

14. Служба у белых:⁵⁴

15. Показания по существу дела:

Вольпина Михаила Давыдовича знаю года два-три как знакомого моего мужа Саянского Леонида Викторовича. Изредка он, Вольпин, заходил к нам на квартиру. Иногда Вольпин бывал у нас вместе с нашей общей знакомой Вековой Анной Тимофеевной. Лично я Вольпина знаю очень мало, так как имела с ним очень мало общего. О нем могу сказать, что он является человеком очень распущенным и в то же время чрезвычайно общительным и разговорчивым. Любит очень много болтать, причем под видом всяких острот с его стороны часто наблюдаются резкие выпады по адресу совласти.

В августе м[еся]це с[его] г[ода], не помню точно какого числа, незадолго перед отъездом моего мужа в командировку (два-три дня) к нам на квартиру пришел Вольпин Михаил. Когда он пришел, меня не было дома, так как я была в городе за покупками. Вернувшись из города, я застала у себя в квартире Вольпина и Векову, а также моего мужа. Придя домой, я попросила мужа пойти на кухню и кое-что сделать по хозяйству, а сама осталась в комнате с Вольпиным и Вековой. За то время, что муж отсутствовал, Вольпин затеял разговор о террористах, причем Штерна назвал дураком, а Горгулова героем и тут же заявил, что сам хотел бы быть героем и убить т. Сталина.

Я и Векова были очень напуганы таким разговором и просили Вольпина прекратить разговор на ту тему. Больше он этого разговора не возобновлял. После этого я решила Вольпина больше не

В августе м[еся]це с[его] г[ода], не помню точно какого числа, за несколько дней перед отъездом моего мужа в командировку в Астрахань, у нас на квартире был Вольпин Михаил. Когда он пришел, меня дома не было. Я была в то время в городе. Когда вернулась вечером домой, то застала Вольпина Михаила, Векову Анну и моего мужа. Я просила мужа пойти на кухню и сделать что-то по хозяйству. И вот за то время, что муж отсутствовал, Вольпин затеял разговор о террористах, назвал Штерна дураком, а Горгулова героем, причем заявил, что хотел бы сам быть героем и убить т. Сталина.

Я и Векова очень испугались и просили Вольпина прекратить разговор на эту тему, после чего он больше ничего не говорил.

Вопрос гр[ажданину] Вольпину: Вы подтверждаете показания гр[ажданки] Саянской?

Ответ: Показания Саянской в таком виде отрицаю. Был ли такой разговор, не помню. Считаю вполне возможным, что, говоря о Штерне и Горгулове, я мог назвать их героями (субъективными) и заявить, что, будь я на месте Штерна (т.е. террористом и контрреволюционером), я бы стрелял в Сталина.

Вопрос гр[ажданке] Саянской: Вы утверждаете, что Вольпиным была произнесена такая фраза, что он хотел бы стать героем и убить т. Сталина?

Ответ: Насколько я помню, Вольпин сказал именно так, что хотел бы стать героем и убить тов. Сталина. Это я утверждаю.

Вопрос гр[ажданину] Вольпину: Подтверждаете ли вы, что за несколько дней до отъезда Саянского в командировку вы были с Вековой на квартире у Саянского?

Ответ: Это я подтверждаю. Я тогда действительно был на квартире у Саянских.

Больше ничего к своим показаниям добавить не имеем. Протокол очной ставки нам зачитан полностью, записано с наших слов верно, в чем и расписываемся.

Евгения Саянская

Михаил Вольпин

Очную ставку производил:

Белостоцкий

VII. ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ
МЕЖДУ Л.В. САЯНСКИМ И М.Д. ВОЛЬПИНЫМ,
ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1933 г.⁵⁶

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

1933 года октября 31 дня уполномоченный III отд[еления] ОО ОГПУ Белостокский производил очную ставку между гр[ажданами] Саянским Леонидом Викторовичем и Вольпиным Михаилом Давыдовичем, которые, будучи предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний, на заданные им вопросы показали следующее:

Вопрос Саянскому Л.В.: Знаете ли вы предъявленного на очной ставке гр[аждани]на Вольпина Михаила и что вам известно о нем?

Ответ: Предъявленного мне на очной ставке гр[аждани]на Вольпина Михаила Давыдовича знаю несколько лет, примерно с 1929–30 года. Знаю, что он по профессии журналист, поэт, и на этой почве с ним встречался.

Насколько мне удалось заметить, за последнее время, т. е. в течение последних месяцев, он все время находился в крайне мрачном настроении.

На основании неоднократных встреч и бесед с Вольпиным должен констатировать, что он по своим политическим убеждениям является убежденным противником советского строя. В неоднократных беседах на политические темы Вольпин отмечал, что коммунизм считает утопией, а политику соввласти «грабительской». Все мероприятия власти встречает издевкой. Сочиняет и распространяет антисоветские анекдоты. Одобряет деятельность террористов Штерна и Горгулова и в принципе террор.

В 20-х числах августа с[его] г[ода], за несколько дней до моей командировки в Астрахань, у меня на квартире был Вольпин. Тогда же присутствовала моя жена и наша общая знакомая гр[ажданка] Векова Анна Тимофеевна. Вольпин тогда был навеселе и болтал очень много. Он всячески ругал советскую власть, говорил, что никогда не продаст свое перо большевикам и вообще не желает связываться с большевиками. Помню, что я в тот вечер вышел из комнаты на некоторое время по хозяйственным делам. Когда я вернулся в комнату, то обратил внимание, что женщины (Векова и моя жена) сидят молча в очень мрачном настроении. После ухода Вольпина и Вековой жена мне сообщила, что, когда я выходил из комнаты,

Вольпин, продолжая разговор о терроре, заявил, что он убил бы т. Сталина.

По словам жены, она и Векова очень испугались и просили Вольпина прекратить разговор на эту тему.

При встрече с Вольпиным мы с ним говорили на разные темы, причем во всех случаях Вольпин допускал выпады против соввласти и партии. Так, например, говорил, что «тов. Каганович – это пошлый жид и дурак из типа провинциальных учителей из хедера» (по поводу того, что т. Каганович давал директивы для редакции «Крокодила»). О народном образовании Вольпин заявил, что Бубнов – это «унтер-офицер, но такой и нужен в рабской стране для коммунистического общества». Выдвиженцев он называет «дефективные дураки». В разговоре о ценах на рынке Вольпин сказал, смеясь: «А вы знаете, почему мясо дешево? Помните, как наши дураки кричали в газетах, что хлебом мы обеспечены, а мяса не будет еще пять лет? А вышло наоборот – хлеба не было до лета, а мяса сколько угодно!» На вопрос, почему это так, Вольпин ответил: «Потому что большевики махнули рукой на мясо и не трогали мужиков. Вот мясо и оказалось. А вот хлеб стали грабить, его и не стало». «Как только они, большевики, за что схватятся своими грязными руками, так сейчас все пропадает».

Вольпин неоднократно высказывал, что «все это временно, все ненадолго, все развалится и советский строй недолговечен». Часто плел анархические фразы, перемешанные с мечтами о старой жизни и золотом рубле и т. п.

В разговоре о возможности войны и заодно об нашей армии на слова моей жены, что в армии сейчас кормят и одевают, Вольпин заявил, что «все это напоказ под Москвой, а вообще армия ходит в опорках и питается скверно, я сам недавно отбывал и знаю».

После разговора Бухова о писателе Слёзкине, обратившемся с письмом о помощи к тов. Сталину, Вольпин сказал: «Слёзкин – сволочь, третьесортный писатель, я бы задавился, а не обратился бы к царю» (иронически называя т. Сталина царем).

Говоря о слабой уборке хлеба и овощей, Вольпин сказал: «Мне думается, что все вообще опустили руки и ни черта никто не хочет делать. А все виновато лицемерие и очковтирательство, которое посеяли коммунисты». На мои слова, что если так, то от политики очковтирательства страдают сами большевики, Вольпин сказал, что «им не все равно, что все валится? Они это знают, но все равно выхода нет, все у них пропало, и они надеются, что кривая вывезет,

что из миллиона дел хоть что-нибудь, да выйдет». Говоря о роли политотделов, он заявлял, что ничего из этого не выйдет: «Увидели, дураки, что удачно вышло с колхозами, ну теперь и будут всюду политотделы заводиться: и на жел[езных] дорогах, и в банях, и в домкомах. А т. к. честных партийцев всего десять тысяч, то людей у большевиков не хватит, и через год политотделы превратятся в пустое место».

Выше я привел отдельные фразы Вольпина за один вечер, имевший место недавно. Запомнить все то, что говорил Вольпин, не представляется возможным. Я старался восстановить в памяти только те разговоры, которые имели место за последнее время.

Вопрос гр[ажданину] Вольпину: Вы подтверждаете показания гр[ажданина] Саянского?

Ответ: Показания гр[ажданина] Саянского подтверждаю только в некоторой части, а именно: о ругательстве Кагановича за неправильную, с моей точки зрения, дачу директив по сатире; о лицемерии и очковтирательстве, о политотделах и о т. Сталине-царе. При этом должен оговориться, что в[о] фразе о т. Сталине я мог разуместь мещанское отношение к нему как [к] царю со стороны литераторов, осаждающих его домашними просьбами. Кагановича я ругал в более мягкой форме и только по поводу конкретных директив, данных им сатире.

В остальной части считаю, что мои фразы искажены тенденциозно до неузнаваемости. Что касается разговора о терроре на квартире у Саянского, то я этого не помню, т. е. такого разговора у Саянского не помню и считаю его невозможным. Разговор мой о политотделах тоже искажен. Я мог говорить о том, что, обрадовавшись успешной деятельности политотделов в деревне, большевики пожелали ввести их всюду. Для этого понадобилось бы слишком много людей (а в политотделах могут быть самые преданные и энергичные партийцы), и их не хватит. Разговор о лицемерии и очковтирательстве был, но не в такой форме, как изложен гр[ажданином] Саянским. Я не говорил о кривой и миллионах дел и не думал, что большевики внедряют очковтирательство сознательно.

Вопрос гр[ажданину] Саянскому: Подтверждаете ли вы показания о к[онтр]р[еволюционных] разговорах Вольпина, укажите тогда, где и в присутствии кого были эти разговоры?

Ответ: Подтверждаю свои показания полностью. Утверждаю, что все разговоры Вольпина мною приведены в точности. Особенно это касается тех разговоров, которые имели место недели две тому назад у меня на квартире, а именно: о Кагановиче, о лицемерии и очковтирательстве, о политотделах и т. п. Этот разговор две недели тому назад был у меня на квартире в присутствии Аркадия

Бухова и моей жены. Я мог только ошибиться в падежах, но основной смысл сказанных Вольпиным фраз мною изложен в точности.

Вопрос гр[ажданину] Вольпину: Сейчас, после того что гр[ажданин] Саянский уточнил свои показания указанием, когда, где и в присутствии кого вы вели к[онтр]р[еволюционные] разговоры, вы можете добавить что-нибудь к в[ашим] показаниям?

Ответ: Больше ничего не могу добавить к своим показаниям.

Вопрос гр[ажданину] Вольпину: Вы подтверждаете, что разговор о политотделах, о т. Кагановиче, о лицемерии и очковтирательстве и о Слёзкине был недели две тому назад на квартире у Саянского в присутствии Бухова Аркадия?

Ответ: Две недели тому назад я действительно был на квартире у Саянского. Могу сказать точнее, около 13 октября. Был ли тогда Бухов, я не помню. Какие тогда были разговоры, я не помню. Разговоры о политике безусловно были.

Больше ничего добавить к своим показаниям не имеем; показания записаны с наших слов верно, прочитаны нам, в чем и расписываемся.

Л. Саянский

Мих. Вольпин

Очную ставку производил:

Белостоцкий

VIII. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ М.Д. ВОЛЬПИНА, ОТ 1 НОЯБРЯ 1933 г.⁵⁷

Дополнительные показания
гр[ажданина] Вольпина Михаила Давыдовича

1 ноября 1933 года

В результате допросов и очных ставок я еще раз внимательно продумал свое отношение к Советской власти и пришел к выводу, что за последние годы из вполне советского человека я превратился в колеблющегося и уже не вполне советского человека.

Я сомневался в полезности целого ряда советских мероприятий: я нападал в резкой форме на систему широкого применения политотделов, считая, что невозможно заставить всех работать под наблюдением партийцев (не хватит талантливых и честных партийцев). Я плохо верил в осуществимость целого ряда плановых

заданий (план, казалось мне, слишком динамичный, а потому требует слишком больших жертв). Я ругал отдельных вождей за их непонимание задач советского искусства, считал, что необходимо дать отдушину для чисто лирических и беспартийных настроений, считал, что сатира у нас чересчур казенная и приобрела стенгазетные масштабы. Часто передо мной вставал вопрос: стоит ли вообще построение коммунизма тех жертв, которые приходится приносить? Меня раздражало так называемое мною «умиленчество» целого ряда моих товарищей, и в споре с ними я произносил очень и очень резкие фразы.

Наряду с этим мне вообще нравилась роль фрондирующего и все осуждающего человека. Однако должен сказать, что никаких террористических настроений у меня никогда не было. Наоборот, мне случалось в разговорах с товарищами провозглашать почти толстовские, непротивленческие теории. Я говорил о том, что всякая идея, будь она даже сверхвегетарианской, если такую идею начать проповедовать, потребует жертв и крови (христианство, расстрелы за исповедование толстовских идей в царской армии, в то время как сам Толстой жил помещиком).

Теперь мне необходимо объяснить, почему я себя все-таки называю почти советским человеком. Это потому, что все вышеизложенное не было моими окончательными убеждениями, а лишь отрывочными мыслями, наряду с которыми я ясно понимал, что в настоящее время приходится выбирать между фашизмом и коммунизмом, и готов был защищать последний.

Переходя к вопросу о том, откуда у меня появились все эти колебания и антисоветские мысли, отвечаю: причин тут чрезвычайно много: тут и голод на Украине, и скука, и казенный тон нашего искусства, тут и колоссальная волна очковтирательства, приспособленчества и карьеризма, и личные мои неудачи, располагающие к пессимизму.

Должен добавить, что мною действительно велись разговоры о террористах Горгулове и Штерне, причем я, отдавая должное их личной храбрости, считал, что Штерн, убив⁵⁸ немецкого посланника, все равно бы ничего не достиг, и с его точки зрения, т. е. с точки зрения законченного врага Советов, выстрел в Сталина был бы более осмысленным⁵⁹. Сам же я считаю, что роль вождей в революции ограничена. Объясняю, что называю я личными неудачами: после четырехлетнего ухаживания я женился на очень любимой девушке, но брак не ладился отчасти из-за жилищных условий, отчасти по другим причинам. Кроме того, у меня была любовница, с которой мне трудно было порвать. Также огорчала меня неудача с

начатой мною пьесой, которая не вытанцовывалась и на которую я возлагал очень большие надежды.

В результате этой неудачи я оказался должен театру Сатиры и Всероскомдраму⁶⁰ 2300 руб[лей], что сильно отразилось на моем материальном положении.

Написано мною собственноручно. Зачеркнутому не верить, надписанному «убив», «бы», «осмысленным» верить.

Мих. Вольпин.

Допросил:

Белостоцкий.

IX. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ М.Д. ВОЛЬПИНА, ОТ 2 НОЯБРЯ 1933 г.⁶¹

Дополнительные показания
гр[аждани]на Вольпина Михаила Давыдовича

2 ноября 1933 года

Политических басен я никогда не писал. Помню только эту частушку, которую я сочинил приблизительно в 1923 году. Эту частушку я помню наизусть и могу ее привести полностью: «Скоро будет выдача снимков Льва Давидовича. Будут вешать вновь его и снимать Зиновьева»⁶². Возможно, что были и другие частушки, но содержания их сейчас не помню⁶³.

О политических баснях Эрдмана и Масса я знал и часто слышал на квартире у Масса и во многих других местах. Содержания всех басен не помню. Запомнил только следующие: о градуснике, о липе, о рояле, о евнухе⁶⁴. Больше сейчас не помню. Слышал их очень много, значительно больше, чем указал, но сейчас не помню всех. Признаю, что содержание этих политических басен – контрреволюционное. Помню, что я где-то высказывал свою мысль по поводу к[онтр]р[еволюционного] содержания этих басен, что в сумме они дают опасный букет. Лично я никогда не помогал Эрдману и Массу в сочинении басен. По просьбе отдельных лиц я зачитывал отдельные выдержки из политических басен Эрдмана и Масс[а]. Должен отметить, что большинство басен мне нравились.

В писательских политических группировках я никогда не стоял и о существовании таковых мне не известно.

Записано с моих слов верно, прочитано.

Мих. Вольпин

Х. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ М.Д. ВОЛЬПИНА,
ОТ 15 НОЯБРЯ 1933 г.⁶⁵

Дополнительные показания
гр[ажданина] Вольпина Михаила Давыдовича

15 ноября 1933 года

Антисоветские настроения, сложившиеся у меня и резко выжившие за последний год, являются следствием как общественных, так и личных причин.

Общественные причины нижеследующие. Голод на Украине, плохое снабжение ширпотребом, цензурные условия, ряд жестких мер со стороны правительства по отношению к врагам революции, необходимость которых я понимал, но примириться не мог. Что касается личных причин, то сюда следует отнести: ссору с женой, отвратительные жилищные условия, творческая неудача с пьесой. Пьянки и плохая среда людей не советских способствовали выявлению этих настроений.

Мои антисоветские настроения за последний год выразились в антисоветских разговорах, нападках на отдельных вождей, в стремлении отмечать только дурные стороны нашей советской действительности.

Всю вредность этих антисоветских настроений я осознал после ареста, за время моего пребывания под стражей, а на воле считал себя советским человеком, занимающимся здоровой самокритикой.

В части разговоров о терроре подтверждаю своим предыдущие показания, т. е. что мною действительно велись разговоры о террористах Штерне и Горгулове, причем я, отдавая должное их личной храбрости, считал, что Штерн, убив немецкого посланника, все равно ничего бы не достиг, и с его точки зрения, т. е. с точки зрения законченного врага Советов, выстрел в т. Сталина был бы более осмысленным. Общий же смысл этих разговоров всегда сводился к тому, что я террор как метод осуждал.

Писательская среда, в которой я вращался и среди которой я вел антисоветские разговоры, безусловно является не советской средой. Среди людей, с которыми я встречался, были даже такие, которые хотя внешне и старались показать себя советскими людьми, но в душе безусловно были настроены против советской власти. Таковы были мои впечатления, не подтвержденные никакими фактами. Это, конечно, не относится ко всем моим литературным знакомым, среди которых имелись люди вполне советские.

Лично я политических басен никогда не писал. Помню только одну частушку, которую я сочинил приблизительно в 1923 году. Содержание этой частушки приблизительно следующее: «Скоро будет выдача снимков Льва Давидовича. Будут вешать вновь его и снимать Зиновьева». Возможно, что были и другие частушки, но содержание их сейчас не помню.

О политических баснях Эрдмана и Масс я знал и часто слышал их на квартире Масс и во многих других местах. Содержание всех басен не помню. Содержание этих политических басен – контрреволюционное. Помню, что я где-то высказал мысль по поводу к[онтр]р[еволюционного] содержания этих басен, что в сумме они дают опасный букет. По просьбе отдельных лиц я зачитывал отдельные выдержки из политических басен Эрдмана и Масс[а]. В сочинении басен лично я никогда Эрдману и Масс[у] не помогал. Отношения с ними у меня были дружеские.

Относительно политических настроений Эрдмана и Масс[а] могу сказать следующее. Масс, на мой взгляд, является советским человеком. Что же касается Эрдмана, хотя я считаю его советским человеком, но он иногда допускал нападки на советскую власть.

Записано с моих слов верно, прочитано.

Мих. Вольпин

ХІ. ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДЕЛУ М.Д. ВОЛЬПИНА, без даты⁶⁶

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 2813 по обвинению гр[ажданина] Вольпина Михаила Давыдовича в прест[уплениях], предусм[отренных] ст[атьей] 58/8 и 10 У[головного] К[одекса РСФСР]⁶⁷

Особым Отделом ОГПУ было установлено, что проживающий в Москве поэт Вольпин Михаил Давыдович настроен антисоветски, ведет к[онтр]р[еволюционные] разговоры, всячески ругает сов[етское] правительство и его вождей и проявляет террористические тенденции.

На основании изложенных данных гр[ажданин] Вольпин М.Д. был арестован 27 октября с[его] г[ода] и привлечен к следствию в качестве обвиняемого.

Допрошенный в качестве свидетеля гр[ажданин] Попов-Саянский Л.В. показал:

«Вольпина М.Д. знаю с [19]29–[19]30 г., происходит из буржуазной семьи. Двоюродные братья Вольпина – Фабриканты: один недавно расстрелян за вредительство, а другой видный с[оциалист-]р[еволюционер] в Германии.

По своим политическим убеждениям Вольпин убежденный к[онтр]р[еволюционер] и противник сов[етского] строя. Коммунизм считает «утопией» и нашу политику называет «грабительской». Сочиняет и распространяет а[нтин]с[оветские] анекдоты. Все мероприятия Соввласти встречает издевкой.

Одобряет террористов Штерна и Горгулова и в принципе террор. В августе м[еся]це с[его] г[ода], будучи у меня на квартире в моем отсутствии, жаловался моей жене, что его затирают, что его полит[ические] убеждения не позволяют ему печататься в «Правде», что он свое перо большевикам никогда не продаст и т. д. На предложение моей жены поехать куда-нибудь Вольпин заявил: «Куда там ехать... Нет, вот Сталина я бы убил»».

Допрошенная по настоящему делу Саянская Е.А. показала:

«Вольпина М.Д. знаю как знакомого мужа года два-три. Он любит очень много болтать, причем под видом всяких остроумных с его стороны часто наблюдаются резкие выпады против Соввласти.

В августе м[еся]це с[его] г[ода], будучи у нас на квартире в отсутствии мужа, Вольпин затеял разговор о террористах, при чем Штерна называл дураком, а Горгулова героем и тут же заявил, что он хотел бы сам быть героем и убить т. Сталина»

Привлеченный по настоящему делу гр[ажданин] Вольпин М.Д. сначала отрицал предъявленные ему обвинения и только после очных ставок с Саянскими сознался, что он действительно был а[нтин]с[оветски] настроен, вел к[онтр]р[еволюционные] и террористические разговоры. По существу предъявленного обвинения Вольпин дал следующие показания:

«Антисоветские настроения, сложившиеся у меня и резко выявившиеся за последний год, являются следствием как общественных, так и личных причин.

Мои а[нтин]с[оветские] настроения за последний год выразились в а[нтин]с[оветских] разговорах, нападках на отдельных во-

ждей и в стремлении отмечать только дурные стороны советской действительности. Всю вредность этих а[н]ти[с]о[в]етских настроений я осознал...

<...> Мною действительно велись разговоры о террористах Штерне и Горгулове, причем я отдавал должное их личной храбрости и считал, что Штерн убийством немецкого посланника ничего бы не достиг, и с его точки зрения – законченного врага Советов, выстрел в т. Сталина был бы более осмысленным...»

На основании вышеизложенного, считая предъявленное гр[аж]данину] Вольпину М.Д. обвинение следствием доказанным,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Настоящее дело за № 2813 по обвинению гр[аж]дани]на Вольпина Михаила Давыдовича, 1902 г[ода] р[о]ждения], происходящего из мещан г. Могилева, со средним образованием, по профессии – поэт, б[ес]п[артийного], не судившегося, гр[аж]дани]на СССР – в преступлении, предус[от]ренном] ст. 58/8⁶⁸ и 10 У[головного] К[о]декса], представить на судебное рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ⁶⁹.

Уполномоченный

Белостоцкий

«Согласен»

Пом[ощник] нач[альника]
3 отд[еления] ОО ОГПУ

Лацис

«Утверждаю»

Нач[альник] 3 отд[еления]
ОО ОГПУ

Алехин.

СПРАВКА: Вещдоказательств по делу нет. Обвиняемый Вольпин Михаил Давыдович содержится под стражей с 27/X-33 г. во внутреннем изоляторе ОГПУ.

Уполномоченный

Белостоцкий

« » декабря 1933 г.

XII. ПРИГОВОР ВОЛЬПИНУ М.Д.,
ОТ 16 ЯНВАРЯ 1934 г.⁷⁰

Выписка из протокола
Заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от «16» января 1934 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>8. Дело № 2813 по обв[ине- нию] гр[ажданина] Вольпина Михаила Давыдовича, из ме- щан, по 58/10 ст. УК. (дело рассм[отрено] в пор[ядке] постан[овления] През[идиума] ЦИК СССР от 9/6-[19]27 г.⁷¹)</p>	<p>Вольпина Михаила Да- выдовича – заключить в ис- прав[ительно-]труд[овой] ла- герь сроком на пять лет, сч[и- тать] срок с 27/X – [19]33 г. Дело сдать в архив.</p>

Секретарь коллегии ОГПУ

Буланов

Примечания

- ¹ См. об этом: От Коллегии ОГПУ // Правда. 1933. 12 марта. № 70. С. 2.
- ² Из воспоминаний М.Д. Вольпина: (Запись беседы М. Игнатьевой) // Эрдман Н.Р. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1990. С. 454–455.
- ³ Письмо заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды И.В. Сталину о сатирических баснях Н.Р. Эрдмана, В.З. Масса и М.Д. Вольпина от 9 июля 1933 г. // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1999. С. 202–203.
- ⁴ Цит. по: *Berelowitch A. Les écrivains vus par l'OGPU // Revue des études slaves. P., 2001. T. 73. Fas. 4: La littérature soviétique aujourd'hui. P. 634.*
- ⁵ Письма. Николай Эрдман. Ангелина Степанова / Предисл. и коммент. В.Я. Вульфа. М.: Иван-Пресс, 1995. С. 80–81.
- ⁶ См. эти тексты: *Масс А.В. Озорные басни и др.: Из истории сатиры 30-х годов // Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 255–260; Басни и сатиры / Публ. Г.С. Файмана; при уч. В.П. Гусаченко и В.К. Виноградова // Независимая газета. 1996. № 246. 31 дек. С. 12; «Указанных литераторов следовало бы арестовать...» // Источник. 1998. № 2. С. 155–160.*

- ⁷ См. об этом подробнее: *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Из истории советской журналистики 1930-х годов: «Дело сатириков» и журнал «Крокодил» // Россия XXI. 2015. № 2. С. 64–99.
- ⁸ Послужной список Попова Л.В. см.: РГВИА. Ф. 409. Оп 1. Д. 103929. П/с 51-564. 1916 г. Л. 1–10.
- ⁹ *Саянский Л.В.* Человек без имени. М.: Воля, [б. г.]. С. 93, 173–174.
- ¹⁰ *Саянский Л.В.* Поход иркутских казаков в 1912 году от Иркутска до села Усть-Кута: Отр[ывки] воспоминаний участника // Вестник русской конницы. 1914. № 11/12. С. 449–465.
- ¹¹ Из материалов уголовного дела Аркадия Бухова (1937 год) // Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской советской литературы и журналистики: Портреты и скандалы. М.: Форум, 2015. С. 389.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 559. Л. 5. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 21 марта 1934 г.; Оп. 3. Д. 942. Л. 21. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 марта 1934 г.
- ¹³ *Раевский С.П.* Пять веков Раевских. М.: Вагриус, 2005. С. 493–494; Из воспоминаний М.Д. Вольпина. С. 455.
- ¹⁴ Протокол написан на бланке рукою следователя Белостоцкого, подписан Вольпиным собственноручно.
- ¹⁵ *ОО ОГПУ* – Особый Отдел ОГПУ, специальное контрразведывательное подразделение, в зону ответственности которого входили, в частности, дела по шпионажу на территории СССР и заграничная «белогвардейская контрреволюция».
- ¹⁶ Жена Вольпина *Люция Карловна Краузе* (р. 1912) вскоре развелась с ним, но дружеские связи между бывшими супругами сохранялись всю жизнь; впоследствии она стала художником промышленного фарфора, скульптором, членом Союза художников СССР.
- ¹⁷ *Вольпин Марк Давыдович* (1897–1937) – в 1930-х годах инженер завода «Электросила» в Ленинграде; расстрелян.
- ¹⁸ *Вольпина (Вольпин) Надежда Давыдовна* (1900–1998) – переводчица и поэтесса; в 1924 г. родила сына от С.А. Есенина.
- ¹⁹ *ВХУТЕМАС* – Высшие художественно-технические мастерские (1920–1926).
- ²⁰ Пункт 11 с подпунктами не заполнен.
- ²¹ По словам самого Вольпина, его арестовали в августе 1927 г. в Алуште за то, что он «обругал матерно» пристававшую к нему и его друзьям пьяную компанию (См.: РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 322. Л. 1–1 об.). По суду Вольпин был оправдан.
- ²² Пункты 13 и 14 не заполнены.
- ²³ *Калецкий Павел Исаакович* (1906–1942) – литературовед и историк литературы, в 1933 г. выслан из Москвы в Воронеж, в 1935 г. переехал в Ленинград. Погиб во время блокады.
- ²⁴ *Фабрикант Александр Осипович* (1881–1963) – агроном, в 1920-х годах – профессор Московской сельскохозяйственной академии, в 1930–1940-х годах неоднократно арестовывался органами НКВД за «вредительскую деятельность».

- ²⁵ Далее одно слово неразборчиво. *Фабрикант Яков Осипович* (1886–1933) – агроном, в начале 1930-х годов – заместитель директора Всесоюзного института механизации сельского хозяйства; расстрелян в марте 1933 г. По этому делу, делу о «заговоре в сельском хозяйстве», спровоцировавшему голод на Украине, было казнено 35 человек.
- ²⁶ *Фабрикант Владимир Осипович* (ум. 1933) – член Боевой организации эсеров, был близок к Б.В. Савинкову, в 1918 г. помог А.Ф. Керенскому бежать из России, впоследствии эмигрировал сам; умер в Париже.
- ²⁷ *Ардов Виктор Ефимович* (1900–1976) – писатель-сатирик и журналист, в начале 1930-х годов фельетонист «Крокодила».
- ²⁸ Слово «Александрович» написано сверху, взамен зачеркнутого «Петрович».
- ²⁹ Слово «Захарович» вписано сверху, взамен зачеркнутого «Михайлович».
- ³⁰ *Бухов Аркадий Сергеевич* (1889–1937) – журналист, писатель-сатирик, в 1927 г. вернулся в СССР из эмиграции, с 1928 г. – секретный сотрудник ОГПУ-НКВД, в первой половине 1930-х годов фельетонист «Крокодила»; расстрелян.
- ³¹ *Векова (Большакова-Векова) Анна Тимофеевна* (1899 – после 1956) – эмигрантка, вернувшаяся в 1927 г. в СССР, в первом браке замужем за оперным певцом Н.Д. Вековым, оставшимся за границей, после ареста Вольпина вышла замуж за писателя К.А. Большакова, арестованного в сентябре 1936 г. и расстрелянного в апреле 1938 г. Арестована в марте 1938 г., последующие 16 лет (с небольшими перерывами) провела в тюрьмах, лагерях и ссылках.
- ³² *Черемных Михаил Михайлович* (1890–1962) – художник-график и карикатурист, в начале 1930-х годов – сотрудник «Крокодила».
- ³³ В тексте было ошибочно: «Сергеевич». *Елисеев Константин Степанович* (1890–1968) – советский художник-график и карикатурист, художник театра и кино, в начале 1930-х годов – сотрудник «Крокодила».
- ³⁴ *Роскин Александр Осипович* (1898–1941) – писатель и критик.
- ³⁵ Очевидно, имеется в виду *Шиловский Евгений Александрович* (1889–1952) – в начале 1930-х годов начальник штаба Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского; был тесно связан с московскими литературными кругами, второй муж Е.С. Булгаковой.
- ³⁶ В тексте было ошибочно: «Шиловской».
- ³⁷ Написано рукой следователя Белостоцкого, подписано им и Вольпиным собственноручно.
- ³⁸ *Иуда Миронович Штерн* (1904–1932) в марте 1932 г. в Москве стрелял по машине советника германского посольства фон Твардовского и легко ранил его; расстрелян. Согласно советским пропагандистским установкам, Штерн добивался начала войны между СССР и Германией и поражения СССР в этой войне.
- ³⁹ Написано рукой следователя Белостоцкого, подписано им и Вольпиным собственноручно.
- ⁴⁰ Русский эмигрант *Павел Тимофеевич Горгулов* (1895–1932) застрелил в мае 1932 г. в Париже президента Франции Поля Думера; гильотинирован. Согласно

советским пропагандистским установкам, Горгулов действовал по заданию белой эмиграции, недовольной сближением Франции и СССР.

⁴¹ Подчеркнуто в тексте.

⁴² Протокол написан на бланке рукой Саянского, им же собственноручно подписан.

⁴³ Отцом Л.В. Саянского был *Виктор Лукич Попов* (р. 1864–?) – офицер царской армии, ученый-этнограф, военный писатель, служивший в русской миссии в Китае и возглавлявший торговую экспедицию в Монголию, участник Первой мировой войны. В 1919 г. служил в войсках адмирала А.В. Колчака, попал в плен к красным и перешел к ним на службу. С 1920 г. преподавал в Военной академии РККА.

⁴⁴ Приемным отцом Л.К. Краузе был *Виктор Дмитриевич Кирпичников* (1881–1937), инженер, в 1930 г. арестованный, приговоренный к 10-летнему заключению в исправительно-трудовом лагере; в 1933 г. приговор был отменен. В 1937 г. вновь арестован, расстрелян. Его жена, мать Л.К. Краузе, умерла в 1930 г. после первого ареста мужа.

⁴⁵ АРА – Американская администрация помощи (American Relief Administration, ARA), общественная организация, тесно связанная с правительством США, занималась оказанием помощи пострадавшим от голода районам СССР; подозревалась советскими властями в пропаганде «антисоветских» идей.

⁴⁶ Подчеркнуто Саянским.

⁴⁷ *Хедер* – начальная религиозная еврейская школа.

⁴⁸ С осени 1933 г. «Крокодил» подвергался жесткой критике властей; в марте 1934 г. редактор «Крокодила» был смещен, редколлегия обновлена, а журнал стал издаваться при газете «Правда».

⁴⁹ *Бубнов Андрей Сергеевич* (1884–1938) – в 1929–1937 гг. народный комиссар просвещения СССР; расстрелян.

⁵⁰ В 1928–1929 гг. Вольпин проходил срочную службу в команде одногодичников 40-го арtdивизиона, дислоцировавшегося в Детском селе под Ленинградом.

⁵¹ *Слѣзкин Юрий Львович* (1885–1947) – писатель; в письме к Сталину просил снять негласный запрет на публикацию его произведений.

⁵² Протокол написан на бланке рукой следователя Белостокского, подписан им и Саянской собственноручно.

⁵³ Пункт 11 не заполнен.

⁵⁴ Пункты 13 и 14 не заполнены.

⁵⁵ Протокол написан почерком следователя Белостокского, подписан им, Саянской и Вольпиным собственноручно. Саянской и Вольпиным подписан также каждый лист очной ставки.

⁵⁶ Протокол написан почерком следователя Белостокского, подписан им, Саянским и Вольпиным собственноручно. Саянским и Вольпиным подписан также каждый лист очной ставки.

⁵⁷ Написано Вольпиным собственноручно, подписано им и следователем Белостокским собственноручно. Заглавие документа – рукой следователя.

- 58 Слово «убив» вписано Вольпиным над строкой, взамен зачеркнутого слова «стреляя».
- 59 Слова «бы» и «осмысленным» вписаны Вольпиным над строкой, взамен зачеркнутого слова «произвел».
- 60 *Всероскомдрам* – Всероссийское общество драматургов и композиторов.
- 61 Написано рукой следователя Белостоцкого, подписано Вольпиным собственноручно.
- 62 Скорее всего, эта эпиграмма написана не ранее 1925 г., времени обострения борьбы между Л.Д. Троцким и «триумvirатом» в составе И.В. Сталина, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева.
- 63 В июле 1936 г. за публичное чтение эпиграммы Вольпина: «Рукой всевильного сатрапа / Не стало РАППа / Не радуйтесь! Хоть умер РАПП / Но жив сатрап...» был осужден на три года лишения свободы в исправительно-трудовом лагере журналист, сотрудник «Крокодила» М.А. Глушков (см. об этом: *Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской советской журналистики. С. 295–301*).
- 64 Имеются в виду нелегально распространявшиеся басни Н.Р. Эрдмана и В.З. Масса «В одном термометре раз закипела ртуть...», «Один бочар, лирического типа...», «Муки творчества» («Мы обновляем быт...»), «Однажды наклонилась близко...».
- 65 Написано рукой следователя Белостоцкого, подписано Вольпиным собственноручно.
- 66 Машинопись; подписана должностными лицами ОГПУ собственноручно.
- 67 8-й подпункт 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР предполагал наказание вплоть до расстрела за подготовку и/или осуществление террористических актов против представителей власти; 10-й подпункт той же статьи предусматривал лишение свободы за «пропаганду или агитацию», направленную на свержение или ослабление советской власти.
- 68 Цифры 58-8 зачеркнуты в тексте карандашом.
- 69 *Особое совещание при Коллегии ОГПУ* – внесудебный орган, имевший право рассматривать уголовные дела по обвинениям в «контрреволюционных преступлениях» и выносить по ним приговоры сроком до трех лет. Уголовные дела, по которым предусматривались большие сроки наказания, рассматривались Коллегией ОГПУ.
- 70 Машинописная копия с факсимильной подписью секретаря Коллегии ОГПУ П.П. Буланова и печатью ОГПУ.
- 71 7 июля 1927 г. в Варшаве был убит советский дипломат П.Л. Войков. Спустя два дня Президиум ЦИК СССР предоставил Коллегии ОГПУ право выносить за «контрреволюционные преступления» приговоры вплоть до расстрельных.